

М. Н. ВЛАСОВА

**ИЗ ИСТОРИИ ЭКСПЕДИЦИЙ
ОТДЕЛА ФОЛЬКЛОРА ИРЛИ РАН
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
В НОВГОРОДСКУЮ ОБЛАСТЬ (1963—1987)**

ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ ДНЕВНИКИ В. В. МИТРОФАНОВОЙ (1965, 1967)

В период с 1963 по 1988 г. сотрудниками Сектора фольклора ИРЛИ РАН было проведено более 10 экспедиций в Демянский, Валдайский, Пестовский, Хвойнинский, Боровичский, Мошенской, Новгородский, Солецкий, Старорусский, Крестецкий, Поддорский, Холмский районы Новгородской области. Материалы этих экспедиций, содержащие записи всех фольклорных жанров (кроме былин), опубликованы в трех выпусках сборника «Традиционный фольклор Новгородской области». Свадебные, календарные и колыбельные песни, а также причитания и песни лирические, хороводно-игровые, плясовые, записывавшиеся с 1963 по 1967 г., вошли в первый выпуск этого издания.¹

Произведения прозаического фольклора, собранные сотрудниками ИРЛИ и студентами Новгородского государственного педагогического института (университета) (НГПИ) с 1963 по

¹ Традиционный фольклор Новгородской области. Вып. 1: Песни. Причитания: По записям 1963—1976 гг. / Изд. подгот. В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, М. А. Лобанов, В. В. Митрофанова. Л., 1979. В предисловии к этому сборнику (с. 5—11), как и в комментарии к нему (с. 314—340), изложены подробные сведения о проведенных экспедициях, о целях собирательской работы, о составе и особенностях бытования песенного и обрядового фольклора Новгородской области.

1999 г., т. е. в течение более чем тридцати лет, помещены во втором выпуске сборника «Традиционный фольклор Новгородской области». Знакомство с публикуемыми текстами сказок, легенд, преданий, быличек позволяет судить об исторической жизни и современном состоянии фольклорной прозы.²

Основу сборника составила коллекция сказок (134 номера), подготовленная Верой Викторовной Митрофановой (к сожалению, эта работа не была ею завершена). В книгу вошли записи разных лет и разных районов, в том числе материалы самой Веры Викторовны (№ 4, 28, 32, 34, 49, 57, 59, 61, 65, 70, 79, 91, 103, 111 — сказки; № 138, 140 — легенды).

По наметкам В. В. Митрофановой, которая полагала, что подборки пословиц и поговорок, загадок, детского фольклора Новгородской области из экспедиционных архивов могут со временем войти в отдельную книгу, был подготовлен и третий выпуск сборника «Традиционный фольклор Новгородской области».³

Вера Викторовна Митрофанова (1922—1988) — выпускница филологического факультета ЛГУ (1950). В 1954—1957 гг. училась в заочной, а затем в очной аспирантуре ИРЛИ по специальности «Фольклористика». В 1960 г. защитила кандидатскую диссертацию «Былина об Илье Муромце в рукописях XVII—XVIII вв.». С 1975 г. была научным сотрудником Сектора устного народного творчества. Участвовала в фольклорных экспедициях на Мезень, Северную Двину, в Костромскую, Новгородскую области. Основные труды: «Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков» (М.; Л., 1960; в соавт. с А. М. Астаховой и М. О. Скрипилем); «Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX веков (изд. подгот. совм. с М. Я. Мельц, Г. Г. Шаповаловой; М.; Л., 1961); «Загадки» (Л., 1968); «Русские народные загадки» (Л., 1978).

Работу В. В. Митрофановой — собирателя, исследователя — отличают профессионализм и предельная добросовестность в сочетании с живым интересом к предмету изучения.

В соавторстве с В. И. Жекулиной, В. В. Коргузаловым, М. А. Лобановым Вера Викторовна готовила первый выпуск сборника «Традиционный фольклор Новгородской области». Начальные этапы работы над этим изданием (как и над собра-

² Об этом см.: Традиционный фольклор Новгородской области. Вып. 2: Сказки. Легенды. Предания. Былички. Заговоры. По записям 1963—1999 гг. / Изд. подгот. М. Н. Власова, В. И. Жекулина. СПб., 2001. С. 12—20, 22—27.

³ Традиционный фольклор Новгородской области. Вып. 3: Пословицы и поговорки. Загадки. Приметы и поверья. Детский фольклор. Эсхатология: По записям 1963—2001 гг. / Изд. подгот. М. Н. Власова, В. И. Жекулина. СПб., 2006.

нием прозаического фольклора) нашли отражение в дневниках В. В. Митрофановой, которые она вела во время экспедиций в Демянский и Валдайский районы Новгородской области.

Экспедиционный дневник В.В. Митрофановой, датированный 9—19 июля 1965 г., хранится в Рукописном отделе ИРЛИ РАН (р. V, кол. 250, п. 1, № 62, л. 1—12). В этот период Вера Викторовна работала в Демянском районе параллельно с группой студентов Новгородского педагогического института.⁴

«Материалы», на которые ссылается в дневнике 1965 г. В. В. Митрофанова, — записи, сделанные ею в Демянском районе (кол. 250, п. 1, № 1—61; МФ 864). Значительная их часть была опубликована в первом выпуске сборника «Традиционный фольклор Новгородской области», что указано ниже, в соответствующих примечаниях к «Дневнику».

В дневнике Демянской экспедиции (14 июля) Вера Викторовна сообщает интересные сведения о сказочнице из деревни Зимница, Степаниде Алексеевне Михайловой (правда, характеризуя ее в первую очередь как талантливую певицу). Присказка «У царя Додона», сказки «Царь Петр и мужик», «Про солдата и чертей», сообщенные С. А. Михайловой, вошли во второй выпуск «Традиционного фольклора Новгородской области» (№ 4, 65, 111).

В 1967 г. В. В. Митрофанова, совместно с В. И. Жекулиной — преподавателем НГПИ (впоследствии — научным сотрудником ИРЛИ РАН) и А. Г. Васильевым, студентом НГПИ, принимала участие в фольклорной экспедиции Вологодского государственного педагогического института, работавшей в Новотроицком сельсовете Валдайского района. Материалы В. В. Митрофановой хранятся в Рукописном отделе ИРЛИ РАН (р. V, кол. 250, п. 1, № 110—175; звукозапись не производилась).⁵

В этой же коллекции находится экспедиционный дневник В. В. Митрофановой, датированный 5—13 июля 1967 г. (кол. 250, п. 1, № 111, л. 1—9), содержащий сведения об истории, быте, обычаях деревень с богатыми песенными традициями — это, в частности, Байново, Новая Деревня. В первом выпуске сборника «Традиционный фольклор Новгородской области» опубликовано 13 записей Веры Викторовны из Валдайского района от 7, 8, 10, 11 июля 1967 г. (колыбельные, колядка, свадебные песни).

В дневнике В. В. Митрофановой (9 июля, д. Терехово) упомянут Михаил Яковлевич Иуткин, который «знает сказки, охотно рассказывает были и небылицы. Рассказывает талантливо,

⁴ Записи студентов (РО ИРЛИ, р. V, кол. 241, п. 1, № 1, 34—114; кол. 241, п. 3, № 1—125). Необходимо отметить, что в этих коллекциях немало дубликатов с записями В. В. Митрофановой.

⁵ Записи студентов (РО ИРЛИ, р. V, кол. 241, п. 4, № 102—106).

выразительно». Сказка-легенда М. Я. Иуткина «Крестьянин и смерть» включена во второй выпуск «Традиционного фольклора Новгородской области» (№138).

Как очевидно, основной интерес собирательницы был сосредоточен на песенном и в меньшей степени на прозаическом фольклоре, однако значимость ее исторических экскурсов, наблюдений над повседневной жизнью деревни, этнографических описаний несомненна.

**МИТРОФАНОВА В. В. ДНЕВНИК ФОЛЬКЛОРНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
В ДЕМЯНСКИЙ РАЙОН НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ, ИЮЛЬ 1965 г.**

9 июля 1965 года

Самолетом в 14 ч[асов] 55 м [инут]¹ вылетела в Демянск, районный центр Новгородской области. Приземлилась в 17 ч[асов] 30 м[инут]. Полет — что-то страшное и отвратительное. Напоминает поездку в грузовике по ухабистой дороге. Нас бросало и швыряло, нельзя было даже сидеть, не уцепившись за что-нибудь устойчивое. Перед Демянском обходили грозу и сделали порядочный крюк. Было страшно, но не было сил пугаться.

В Демянске — дождь и гроза, дальше ехать не на чем, осталась ночевать.

10 июля

Утром выехала в дер[евню] Полново на машине, потом до 3 часов дня ждала парохода. За это время сходила в несколько домов, но ничего интересного не получила.

Полново стоит на берегу озера Селигер. Раньше, до постройки жел[езной] дороги на Осташков, это было большое село, перевалочный пункт с воды на сухопут[ный] транспорт. Было много купцов.

В войну <село> полностью сожжено, так как тут долгое время был передний край, стояли немцы. Сейчас — не очень большая деревня, до прошлого года — районный центр.

В 15 часов пароходом отправилась дальше, в дер[евню] Новый Скребель, где уже три дня работают студенты Новгородского пед[агогического] института.

Новый Скребель назван в отличие от Старого. Раньше деревня находилась на острове, но в 1889 году вся сгорела, жители переселились на берег, и стал Новый Скребель. На месте Старого осталось несколько домов.

¹ В квадратных скобках раскрываются сокращения автора дневника, в угловых — восстановленные слова.

На острове пахотной земли не было, все жители жили рыбной ловлей. Теперь для себя немного сеют, земля есть, есть стадо коров.

В тот же день ходили к Татьяне Ефимовне Петровой в дер[евню] Запрометно. Она была партизанкой, и ее в деревне зовут Таня Партизанка. Живет с матерью и дочкой (12 лет). И она, и мать знают старинные свадебные и протяжные песни, много частушек, загадки. Матери ее за 90 лет, но она поет частушки и пляшет под них, попевает песни, общительная, живая старушка.

От Татьяны Ефимовны записали песни про Отеч[ественную] войну, сложенные ею же самою. Мелодию к одной из них она тут же подбирала.

11 июля

Утром, когда ходили на озеро мыться, встретили мать Тани Партизанки. Она шла в деревню к знакомым старушкам. Сказала, что у нее болит голова и нужно ее помочить водой. Зашла на мостки, умылась и некоторое время брызгала воду изо рта в озеро, что-то бормотала (но что — не знаю).

В 12 часов пошли к женщинам, которые обещали спеть свадебные песни. Свадебный обряд записали (см. материалы), в нем одна странная деталь: невесту от венца везут в дом ее родителей, там пир, а потом — к жениху. Это нужно проверить.

Записали свадебные песни. Здесь совсем нет традиционной лирики, одни жестокие романсы и городская песня. Как ни спрашивала, ничего не узнала.²

Эта деревня — рыбаки, они и на острове всегда были рыбаками, и здесь, земледелием не занимались. Это должно было отразиться на репертуаре, нужно проверить окрестные деревни.

Записали рассказ о том, как праздновали Масленицу. Любость Ивановна Любанова, которая раньше жила в Полнове, рассказала, что в Полнове был обычай — первыми в Масленицу катались на лошади женщины вокруг деревни, чтобы лен был долог, а потом отдавали лошадь и дровни девицам и мужчинам. В Скребеле этого обычая не было.

Не было и обычая колядовать, но коляду они знают, и мы записали.

12 июля

Пошли в дер[евню] Ковряки, за 8 км от Скребеля. Деревня земледельческая, было раньше 57 дворов, теперь — 7. В войну сгорело, да и люди разошлись.

² Песни, исполненные «хором женщин» в Новом Скребеле, включены в первый выпуск сборника «Традиционный фольклор Новгородской области» (Свадебные песни: № 332, 374, 402, 413). Здесь и далее перечисляются только материалы, записанные В. В. Митрофановой.

У них свадьба несколько иная, невесту везли от венца к жениху, а не в свой дом, родители его встречали ее хлебом, молодых ставили на овчину, осыпали хмелем и т. д. (есть запись).

Записали песни.

Очень интересный свадебный обряд записала студентка Ирина Карпова в дер[евне] Козино, она же принесла для музея повойник (кичку), в который наряжали невесту. Вообще же здесь повойники не носят и старушки.

Записывали песни, сказки, загадки от детишек.

И здесь, как в Скреб<е>ле, нет традиционных лирических песен, одни романсы. Но здесь бывали до 30-х гг. нашего века беседы: малые, средние и большие (на 3 возраста). На них пели романсы и частушки, приходили с работой.

Вечером писали от Л. И. Любановой в Новом Скреб<е>ле. Алеша Васильев³ записал от нее «Знаю, ворон, твой обычай», слова традиционные, но мотив искажен. Остальные песни ее — романсы.⁴

13 июля

Утром пошли в дер[евню] Лыковщина, за 3 км от Нового Скреб<е>ля. Там вчера были студенты, осталось записать от нескольких человек. Но все они на покосе, запись не состоялась.

Пошли дальше (к озеру) — 3 км от Лыковщины — в Далматиху. Там народ дома. Уточнили свадебный обряд. Невесту везут в дом ее родителей от венца богатые, чтобы гостей больше собрать.

На последней беседе невеста отдает парням свою куделю, и они ее сжигают (запись свадьбы см. в материалах).

О Скреб<е>ле они сказали, что там [живут] мещане из Осташкова. Это, видимо, так, население очень отделяет Скребель, ведь кругом землепашцы, а там — рыбаки. Но в культуре это не сказывается совсем: и в Скреб<е>ле, и в округе не поют традиционной лирики, одни романсы, обычаи и праздники одинаковые, свадебный обряд тоже однотипный. В чем здесь дело?

В Долматихе одна женщина спела песню, которую еще мать певала в кругах («Я посею ленку», см. записи), когда в гулянье девицы и парни брались за платки, составляли круг и пели эту песню.

Здесь ее никто не знает и о кругах не помнит. Но о беседах рассказывают все.

³ А. Г. Васильев — студент НГПИ, впоследствии — аспирант ИРЛИ РАН.

⁴ Песня в исполнении Л. И. Любановой, 71 г., «Знаю, ворон, твой обычай» опубликована в первом выпуске сборника «Традиционный фольклор Новгородской области» (№ 17) с комментарием: «Исполнительница утверждала, что песня „долевая“, пелась на беседах».

Из Долматихи пошли (через Лыковщину) в Покров. Деревня на берегу озера, очень красиво, берег высокий, напротив — маленький островок. Здесь тоже люди на покосе. Записали рассказ о беседах.

Было принято своеобразное объяснение в любви: парень зажигал кудель понравившейся ему девицы, а все кричали: «Чьи кудри горят?».

В Покрове песен не записали. Здесь любопытные построй-ки: крыша дома вверху имеет какое-то возвышение, как будто на крышу поднята еще крыша маленького домика. Высота и вид дома — как у нас в пригородной зоне, большинство домов новые. Старые же имеют такую крышу, резные наличники, резной бал-кончик наверху.

Амбары стоят в стороне, но на том же приусадебном участ-ке, они имеют довольно обширный навес перед входом. Баньки обычные, у многих хозяев — белые.

Прежде деревня обслуживала себя сама изделиями ремес-ла. В Полнове делали глиняные горшки, в Ковряках — кадки. Впрочем, изготовление кадок было распространено во многих деревнях. В Ковряках еще брали вязать сети для рыбаков из Скреб<e>ля.

Во всех окрестных деревнях было хлебопашество, сеяли рожь, ячмень (пшеницу — нет), садили картофель, много было льнов. Лен обрабатывали дома, пряли, ткали. Во всех домах хо-зяйки сохраняют еще прялки, веретена, ткацкие ставы. Прялки красивы, довольно высоки: резная лопаточка, где привязывали куделю, держится на круглом точеном стержне. Стержень раньше покрывали золотой и серебряной краской, а в 20 веке — лаком, и такие прялки назывались «вишнёвочки».

Многие хозяйки, большие мастерицы, сами ткали скатерти льняные с замысловатым узором в два цвета.

Веретена точеные, изящные.

Теперь изделий старинного ремесла и рукоделья осталось очень мало.

Сети вязали на рогульках, похожих на прялки, но ниже, и за-канчивающихся своеобразными рожками, на которые крепилась сеть. Нить продевалась челноком-клещицей. Грузила для сетей обертывались берестой и вставлялись в ободок из прутика.

В старину плели корзины, корбейки, солонки и т. д. из ко-решков, но теперь этого нет.

14 июля

Через Лыково пошли в дер[евню] Зимница (Лыково — 2 км, Зимница — еще 6). Деревня большая, много довольно садов, есть каменные строения. В войну пропало несколько домов, а так

строения старые. Как и все деревни, кругом обнесено изгородью из жердей.

Записывали от одной женщины — Степаниды Алексеевны Михайловой. Она из Высокой Горы (деревня на другой стороне озера, напротив Покрова), поэтому свадебные песни, которые она нам сказала, — песни Высокой Горы.

Песен спела много, они отличаются от скребельских.⁵

Показывала скатерть своего производства, женщина талантливая. Муж погиб в последнюю войну, растила 4 детей.

В Высокой Горе пожилые женщины певали «долевые» (протяжные) песни. Но из ее поколения (1905 г. рождения) этих песен уже никто не пел. Она с трудом вспомнила несколько. Пели протяжные песни, когда лен мяли.

А в Замощье (деревня за 7 км) пели пожилые женщины в праздники. Молодежь гуляла вдоль села, а женщины сидели у дома и пели хором.

О кругах помнила только ее бабка (ни она, ни ее мать кругов не водили). Интересно, что здесь протяжная песня ушла из бытования с бабками тех женщин, которым сейчас 50—60 лет. Сейчас в памяти только жестокий романс, да и то мало.

На беседах в 20—30-х гг. пели частушки и песни, которые принесли с Гражданской войны парни, и современные для того времени.

Но свадебные песни помнят. Некоторые знают загадки, рассказывают детям сказки. Можно записать причитания. Бытуют здесь заговоры, но записать их не удастся, так как они еще действующие.

В библиотеке охотно берут сказки, читают, а потом рассказывают их односельчанам.

В этой деревне писали только от одной женщины, задержались, а путь не близкий. После 16 км перехода под палящим солнцем домой едва прибрели.

15 июля

Собирались в Замощье за 12 км, но почтальон оттуда (обещала подвезти) пришла пешком, — лошадь на покосе. Идти пешком было поздно. Пошли в более близкую деревню Зыковщина (7 км). Там накануне записывали студенты. Писали на магнитофон свадебные песни.⁶

⁵ Песни, исполненные С. А. Михайловой, опубликованы в первом выпуске сборника «Традиционный фольклор Новгородской области» (Свадебные песни: № 372, 389—391, 434, 435, 438, 440, 443).

⁶ Три записи, сделанные 15 июля 1965 г. от А. А. Шипковой, 77 лет, вошли в первый выпуск сборника «Традиционный фольклор Новгородской области» (Свадебные песни: № 319, 373, 431).

Песни разных деревень не совпадают. На вопрос о «долевых» песнях обычно называют романсы. В Зыковщине сделали запись от мужчины. Здесь заводилами в песнях были мужчины, парни. Потому так много военных, солдатских, современных для своего времени песен, которые они приносили в деревню из армии, из города.

Свадебные песни — область женщин. Интересно, что свадебные песни бытуют и сейчас при случае. Когда мы были у Тани Партизанки в Запрометном и спросили, когда же последний раз пели эти песни, женщины наперебой стали вспоминать, и оказалось, что пели на последней свадьбе несколько месяцев назад.

Природа вокруг Зыковщины богатейшая. Высокие красивые берега поросли сосной, плоские маленькие островки на озере, даже комаров как-то мало.

16 июля

С утра не пошли вдаль, у всех болят ноги, жара страшная (говорят, + 35), студенты собираются в Осташков.

Собиралась идти в ближнюю деревню вечером, но с 4 часов грянул дождь сплошной стеной. Застал в пути, дождины такие крупные, что секут, как град. Домой прибрела будто вытащенная из реки, о сухой нитке говорить не приходится, с меня не каплет, а льет. Дождь довольно холодный.

Сплошная стена дождя стояла до 7 часов вечера. Сидела дома, приводила в порядок магнитофонные записи и другие материалы.

17 июля

Утром сухо, холодно, ветер. Вчерашний дождь — сущее бедствие, на грядках все прибито, поломано, с холмов неслись ручьи, потоки. Колодина нашего колодца, над родником, сдвинута с места и лежит в стороне. Но зато чисто везде.

Пока немного просохнут дороги, сижу дома, просматриваю записи студентов. Интересны записи по истории Скреб<e>ля и обычаям. А. Г. Васильев записал от В. М. Коровкина (43 лет) рассказ об обычаях, — что женщины не выходили из дому, когда рыбаки шли на лов, так как если рыбак встретит женщину, то будет неудача, он и на лов лучше не пойдет.

Было два вида рыбной ловли — весенняя путина и подледный лов. Первый улов ежегодно отдавали в монастырь в Полнове.

Ездили на ловлю в Мурман и Балтику.

Рыбаки два раза в зиму устраивали уху: рождественская и масленичная. Перед рождественской ухой устраивалась «каша», на которой присутствовали мужчины и парни.

Во время лова пьянок не полагалось, пьяного рыбака выгоняли из артели.

В д. Лыково от Марии Семеновны Давыдовой (65 лет) записано описание масленичного гулянья. С ледяной горы катались на дровнях без оглобелей: кто дальше проедет, у того лен будет длиннее. Вечером делали берестяной кошель, набивали его соломой, вешали на шест и зажигали. Падающие огарки называли «пенками» и кричали: «Пенки валяются!».

Интересное смешение языческого и христианского было записано в дер[евне] Козино, от Дарьи Матв[еевны] Колпаковой (72 года) (студ[ентами] Карповой И., Быстровой А., Ивановым А.). В этой деревне праздновали св. Фрола. Если задерет зверь скотину, то среди деревни ставили стол, на него — чашку с водой и веники. Высекали из дерева огонь и через этот дым прогоняли скотину, а священник кропил ее водой и служил молебен.

18 июля

После дождя сыро и холодно, дорога раскисла, далеко идти нельзя. Приводим в порядок материалы, пишем в нашей деревне. Ничего нового не попадает. Одна женщина сказала начало песни «По канавке растет травка». Утверждает, что это пели у них на беседах.

Вечером писала свадебные песни от Анны Алексеевны Черемниной (60 лет). Песни все те же, мало что знает до конца.⁷

Она тоже говорит, что свадебные песни и теперь понемногу поют. Несколько месяцев назад, когда женился сосед, они пели. Молодые приехали из Полнова, где записывались. Женщины натянули шнурок, украшенный лентами, чтобы остановить молодых, стали петь «Соколы вы, соколы». Им подарили кулек конфет.

19 июля

Собираемся уезжать, в 3 часа на пароходе в Осташков, а там — на поезде.

**МИТРОФАНОВА В. В. ДНЕВНИК ФОЛЬКЛОРНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
В ВАЛДАЙСКИЙ РАЙОН НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ, ИЮЛЬ 1967 г.**

5 июля 1967 года

Пароходом приехали в Новотроицкое. Деревня в 1 км от берега озера, не Валдайского, а Ужин. Оба озера соединены не длинным, очень старым каналом. Ближе к озеру стоит дер[евне]

⁷ Одна из записей А. А. Черемниной включена в первый выпуск сборника «Традиционный фольклор Новгородской области» (Свадебные песни: № 403).

ня] Ужин, потом — Новотроицкое. Они рядом. Очень близко от Новотроицкого Новая Деревня, тоже недалеко — Борисово, Терехово, Крестовá, Горушки, Байнево (Байново).

<...>

6 июля

Ужйн. Деревня небольшая, дома старые, многие перевезены из Болотницы — деревни, прекратившей свое существование, так как люди переехали. Население в основном пенсионеры и дачники.

Старой утвари почти не сохранилось. В домах есть прялки: их покупали в Валдае (золочёнки и точёнки). Белье колотили палицами (на длинной ручке лопаточка), зимой полоскали, держа крюком, а не руками.

Прежде сеяли лен, теперь лен только в колхозе, у населения нет. Поэтому прядут только шерсть, а ткут половики. Ремеслами здесь не занимались и раньше, все покупали в Валдае. Горшки делали в Боровичах. Для себя плели корзины, делали всякую деревянную мелочь.

Рыбачили для себя, ставили на озере вязерь из прутьев.

Праздновали здесь особо Троицу и Михайлов день (осенью). Варили пиво, пекли пироги, собирали гостей.

Население было большое. Особых обычаев не помнят. В Троицу украшали дома березками. В масленицу зятя ездили в гости к тещам. Катались на лошадях, на санях с горы, но костров не жгли, а теперь жгут, где молодежь есть.

Особых обычаев сенокосных, жнивных не помнят.

Хороводов не водили уже на памяти восьмидесятилетних старух, о хороводах вспоминали их матери. На их памяти в праздники ходили по деревне с песнями. Молодежь плясала под гармонь. Вечерами собирались беседы, куда ходили с прялками. Пели больше песни коротенькие, долгие пели и знали в Новой Деревне.

В святки ходили «вырядными», особенно любили рядиться девицы парнями, и наоборот. Девушки в святки гадали, ходили слушать на изгороду, за ворота.

Ямщиков здесь не было. В Новой Деревне только держали «подставу», несколько лошадей для почты или перевозок внутри района.

Хорошо помнят свадебный обряд и песни. В прошлом году была инсценировка свадьбы в клубе.

7 июля

Новая Деревня. Прежде была очень большая деревня, теперь — домов 25, не более.

Раньше была очень песенная деревня, было две беседы девицы, две — молодых баб. В праздники ходили по улице с песнями.

В деревне две слободы.

Масленицу начинали праздновать с четверга, с вечера, потом катались на лошадях, на санях с гор. В воскресенье Масленицы жгли костер в деревне, ребята собирали солому, веники.

В святки ходили ряжеными, еще совсем недавно рядились.

Гадали — лили олово, ходили слушать на перекресток.

Под Новый год ребятишки ходили под окном и «кричали» коляду, еще и теперь кричат.

Свадьбы играли, как и в других деревнях, песни величальные пели девушки, а когда стало мало молодежи — стали петь их и бабы. Теперь свадебные величальные поют, когда устраивают праздники женившиеся в городе односельчане.

В Новой Деревне был хор, выступавший в Валдае и в Новгороде на смотре. Хор пел «Черный месяц», «Аленький цветочек, зачем рано завял», «Скрылось солнце за горою», «Вы не вейтесь, черные кудри», «Сени, мои сени», «За Дунаем».

Пожилой мужчина в Новой Деревне рассказал, что Масленицу праздновали неделю, вокруг костра пели:

«Гори, гори ясно, молоко и масло,
Чтобы не погасло!»

Отдельные костры на шесте — привязан лапоть или береста повита — горели у каждого дома.

На Масленице делали большой мяч из шерсти и гоняли его вдоль деревни — подростки и даже старики.

В Новой Деревне было много карел, еще сохранились старики, которые помнят карельский язык. Это переселенцы из Карелии в начале XVII в.

Удалось услышать интересные пословицы: «Где шуки нет, и карась хозяин», «Каждая килька в селедку лезет».

Дети знают считалки.

Во всей округе новодеревенские славились как знатоки «долгих» песен.⁸

8 июля

Байново. Жители говорят, что название произошло от слова «баять», так как жители деревни очень разговорчивы. Об этой

⁸ Свадебные песни и причитания, исполненные жительницами Новой Деревни В. П. Самсоновой, 60 лет, Ф. Ф. Николаевой, 53 лет, М. К. Улановой, 57 лет, Е. И. Николаевой, 78 лет, опубликованы в первом выпуске сборника «Традиционный фольклор Новгородской области» (Свадебные песни: № 377, 381; Свадебные причитания: № 466).

деревне говорили, что народ там бойкий, и песни знают. Это оказалось правдой.

Деревня расположена на высоком холме над озером, с другой стороны — еще озеро. Постройки обычные, дома не очень высокие, но подвал все же большой, окна от земли — выше человеческого роста. На крыше характерный «чепчик» (добавочная крыша сверху). На старых постройках крыши четырехскатные, постройка приближается к квадрату.

Байново — большая деревня, дворов 50, но прежде было много народу (две беседы девичьи, да — бабы), а теперь в основном старики и люди среднего возраста. Есть дети, но молодежь после 17 лет и до 25 только приехавшая на отпуск.

<...>

Прежде деревня принадлежала не одному помещику, часть называлась панаевскими. Имение Панаевых стояло под горой у озера. Перед революцией здесь был уже зять, граф Шуленбург, и дочь Панаевых. Приезжала и старая помещица Софья Петровна.

Господа приезжали на лето, зимой жили в Петербурге. Говорят, что здесь бывал Некрасов. Часто они собирали девочек и заставляли петь песни, дарили конфеты, а запеваłam — платки.

В 1 км от деревни, в сторону Новотроицкого, была ткацкая мастерская Дягилева. Мастерская кустарная, ткали полотно. Имение Дягилева было недалеко (это был брат искусствоведа).

Жители занимались хлебопашеством, сеяли лен. <...>

Праздники и свадьбу празднуют, как везде. Песен здесь знают много и поют охотно. Мужчины знают солдатские песни, даже «Про Платова казака» удалось записать. Свадебные песни очень хороши и помнят их хорошо. Много знают частушек. В клубе, который здесь в ранге красного уголка, бывают концерты силами школьников, учителей и приезжающей в отпуск молодежи.⁹

9 июля

Терехово. Небольшая деревня на берегу озера Ужин. От Новотроицкого пешком 7 км лесом, можно доехать на катере.

Стоит на высоком холме. Кругом лес, холмы, озеро. Место красивое.

Нет ни школы, ни магазина, ни клуба. Среди деревни стоит столб под крышей, как на доме. На нем висит колокол. Это отделение совхоза им. Жданова (хозяйство такое же, как и в других деревнях).

⁹ Несколько записей из д. Байново, сделанных от К. С. Николаевой, 67 лет, и Н. В. Степановой, 67 лет, опубликованы в первом выпуске сборника «Традиционный фольклор Новгородской области» (Колыбельные песни и потешки: № 256; Песни календарных праздников и обрядов: № 283; Свадебные песни: № 365, 371, 405, 446).

Песни — романсы, много знают частушек.

Михаил Яковлевич Иуткин знает сказки, охотно рассказывает были и небылицы. Рассказывает талантливо, выразительно.

10 июля

Новая Деревня. Новотроицкое. Запись песен, беседа с библиотекарем и зав[едующей] клубом.

<...>

Фольклор в самодеятельности не присутствует. Два года назад была постановка, но ее не одобрили в Новгороде, так как это была помесь беседы и свадьбы. Женщины сидели с прялками, пели песни, тут же сватался жених, была невеста, причитала мать невесты. Это был опыт использования фольклора, но неудачный.

Между Новотроицким и Ужином находилось барское поместье (дом и сад с парком). Прежде оно принадлежало Квашниным-Самариным. Но в начале XIX в. отдано в приданое за одной из дочерей, вышедших за помещ[ика] Фроловского. У Фроловских было свое село Троицкое, а это они называли Новотроицкое и церковь поставили Троицкую. В округе много было имений известных людей, бывали художники и артисты.

<...>

11 июля

Борисово. Деревня на очень высоком холме, в 1 км от озера. Жители говорят, что это было монастырское село.

<...>

Недавно в деревне была свадьба. Всем очень понравилось, что молодая была в фате. Молодые ездили регистрироваться в Шую на машине. Потом приехали домой, их встречали гости.

За свадебным столом пожилые женщины исполнили несколько величальных песен. Но молодежь старых обычаев стесняется.¹⁰

12 июля

Студенты пошли в Горушки, за 5 км. Я осталась писать в Новой Деревне. Записала от Екатерины Ивановны Николаевой. Она живет одна, песен знает много, участвовала в хоре. Но петь как-то стесняется, боится, что соседи услышат и осудят. <...>

13 июля

Готовилась к отъезду.

¹⁰ Две записи, сделанные от жительницы д. Борисово А. И. Михайловой, 63 лет, опубликованы в первом выпуске сборника «Традиционный фольклор Новгородской области» (Колыбельные песни и потешки: № 266; Свадебные песни: № 415).

**СКАЗКИ МАРИИ АНДРЕЕВНЫ АНДРЕЕВОЙ
(ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ МАТЕРИАЛОВ ЭКСПЕДИЦИИ 1987 г.)**

Три сказки, записанные в 1987 г. в Холмском районе Новгородской области,¹¹ сообщены Марией Андреевной Андреевой, 1902 г. р., жительницей деревни Пономарёво. В их основе — сюжеты 43 Лубяная и ледяная хата; 715 Петух (мальчик с пальчик) и жерновцы; 456А Красавица-жена («Пойди туда, не знаю куда»). В опубликованных новгородских материалах XIX—XX вв. сказки с сюжетами 43 и 715 отсутствуют.¹²

Повествования М. А. Андреевой, одной из наиболее одаренных исполнительниц Холмского района, расширяют, таким образом, наши представления о сюжетном составе сказок Новгородчины.

Несмотря на почтенный возраст (в момент записи на магнитофон ей было 85 лет), Мария Андреевна говорила почти не сбиваясь, отчетливо и выразительно, даже артистично, разнообразя интонации, растягивая-распевая некоторые слова и фразы («Море большо-о-ое!»; «она почала ду-у-утца, ду-у-утца, ду-у-утца»). Требование петуха, обращаемое к барину («Ки-ри-ку-ку! Барин-барин, подай мои жорны!»), которое звучит в ее сказке шесть раз, она пела.

В 1987 г. Мария Андреевна, полностью ослепшая, жила одна в большом деревенском доме (справляться с хозяйством ей помо-

¹¹ Сказки были записаны на магнитофон собирателями М. Е. Теркиной и М. Н. Власовой; хранятся в архиве М. Н. Власовой. К особенностям местного говора, отразившимся в речи М. А. Андреевой, можно отнести неустойчивое яканье (тябе — тебе, пятун — петушок), а также не единообразно мягкое произнесение глагольных окончаний (говорить — говорит, идти — идет).

¹² Из быта и поэзии крестьян Новгородской губернии : (По материалам из бумаг В. А. Воскресенского) / Сообщ. Д. Зеленин // Живая старина. 1905. Вып. 1—2. Разд. «Сказки». С. 49—51; Народные русские сказки А. Н. Афанасьева : В 3 т. / Вступ. статья, коммент. Л. Г. Барага, Н. В. Новикова. М., 1985—1986. Т. 1—3; *Смирнов А. М.* Сборник великорусских сказок Архива Русского географического общества : В 2 вып. (Зап. Рус. геогр. о-ва по Отд-нию этнографии. Т. 44). Пг., 1917. Вып. 1; *Серова М. М.* Новгородские сказки. М.; Л., 1924; Традиционный фольклор Новгородской области. Вып. 2: Сказки. Легенды. Предания. Былички. Заговоры. Разд. «Сказки». С. 27—134. Единственная сказка с сюжетом 455 А, записанная в Белебелковском (ныне — Поддорском) районе Новгородской области, опубликована в сборнике: Господин Леший, господин Барин и мы с мужиком : Записки о сказочниках Дм. Молдавского и сказки, собранные Вл. Бахтиным и Дм. Молдавским. М.; Л., 1965. С. 172—180. Сюжеты атрибутированы по указателю: Сравнительный указатель сюжетов : Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Барага, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979.

гали соседи и племянница), однако сохраняла бодрость, ясность ума, хорошую память. Помимо сказок в репертуар М. А. Андреевой входили многочисленные былички, тексты которых расцвечены рассуждениями о крестьянском хозяйствовании, верованиях, обычаях; легенда о сотворении и о конце мира.¹³ Знала она и заговоры, однако записывать их мы не стали, памятуя о том, что сообщенный постороннему человеку заговор теряет, по распространенному поверью, силу, а «лекарская практика» была для М. А. Андреевой существенным подспорьем в ее нелегкой жизни.

1. Про зайчикову избобку

И лисичка... Зайчик договорился с лисичкой:

— Я срублю сябе избобку лубяную (*лубяную, ну как вот с лесу*).

А лисица говорит:

— А я — ледяную!

Ну от. Лисичка со льда, со снегу сабе избобку сделала, а зайчик наносил всяких прутьев, да там всяво сделал. Зайчикова избобка теплая.

Вот она приходит, значить, к зайчику (*ейна изба растаяла*):

— Заинька, пусти меня лапку только погреть... на порог.

Заинька открыл дверь, пустил.

— Заинька, дай мне головку просунуть!

Заинька пустил в избу.

— Заинька, дай мне на печечке поляжать!

Заинька пустил. Она на печечку полезла.

— Заинька, я попить хочу!

Зайчик:

— погоди, я возьму вядерочко, схожу принясу водицы.

Зайчик пошел за водой, она с печи — раз: дверь заложила на крючок. Зайчика не пустила. Ну, зайчик сидит на дороге с вядерочком и плачить. Ну, идет мядведь.

— Заинька, заинька, чаво ты плачешь?

— Ну, как мне не плакать! Мы подруживши были с лисицей (*а ведь лисица век всё хитра́я!*). Ну от. Ейна избобка растаяла, она меня... попросилася ко мне погреться. А я... захотела попить. А я вот иду ей за водицей — она дверь заложила, меня не пускает.

Мядведь:

— Пойдем, я выгоню!

¹³ Традиционный фольклор Новгородской области. С. 236—237, 243—244, 253, 256—257, 265—266, 268—269, 271, 275—276, 311—313, 330—331, 335—336, 340, 357; 196.

Ну, пошли с мядведем. Мядведь подходит к двери:
— Хто в зайчиковой изобке! Вон с избы!
— Я, лисица-шомуница, у меня хвост как шест, как ударю — полятишь!
Мядведь спугался и в лес убяжал. (*Даром дурак такой большой!*)
Ну, зайнька опять на дороги плачеть. Идеть волк.
— Заинька, зайнька, что ж ты плачешь?
Ну, он рассказал ему опять так же, что:
— От лисичка... С моёй изобки... Погреться попросилася — а выгнала вон!
— Пойдем, я выгоню!
— Ой, волченька, мядведь гнал — не выгнал.
— Ну а я-то выгоню! Он меня побоитца, волка!
Ну, пришли.
— Хто в зайчиковой изобке? Живо вон!
— Я, лисица-шомуница, у меня хвост как шест, как ударю — полятишь!
А и волк испугался и побяжал в лес. Ну, зайчик опять плачеть на дороги. Идеть пятах.
— Заинька, зайнька, что ж ты плачешь?
Ну, от так и так, рассказал:
— Вот, лисичка с моёй изобки выгнала вон!
— Пойдем, я выгоню.
— Ой, петушок! Мядведь гнал — не выгнал, волк гнал — не выгнал, а где ж тебе, петушку, выгнать!
— Ну, пойдём, попробуем.
Ну, пришли.
— Хто в зайчиковой изобке? Живо вон!
— Я, лисица-шомуница, у меня хвост как шест, как ударю — полятишь!
— А я — пятун-тропотун, на высоких ногах, нясу ко́су за плечам, хочу лісу подкосить!
Ага.
Ліса с печи скок — на пол.
— Я, лисица-шомуница, у меня хвост как шест, как ударю — полятишь!
— А я — пятун-тропотун, на высоких ногах, да и шпоры сбюкку! И несю косу за плечам, я тебя и шпорам заколю, и косой ноги подкошу!
Лисица — раз за порог, и убяжала.
Ну, зайчик, что ж... Осталси один. Сидить в изобки. Лисица убяжала. Ну, петушок осталси. Петушок говорит:
— Ну, зайнька, я пойду тяперя домой, а ты оставайся.
— Петушок, живи со мной! От у меня жарёнки тута есь, я пойду в лес, кислички принясу, живи со мной, петушок!

— Ну ладно, давай.

Ну и стали жить. Зайчик пошел в лес, кислицы принясет.
(*Это ребятам сказка, вот гомонишь ребятёшкам.*)

А тута у их жарёнки были. Барин пришел да жорны и украл.
Зайчик приходит с лесу...

А барин-то пришел, на петуха и говорит:

— Петушок, вот горошку принес, погляди в окошко! Я таё насыплю горошку!

А петух-то ласый до гороху! Стал клявать — барин жорны и украл. Ну вот. Зайчик пришел, кислицы принес — жарёнок нету.

А петушок пота пошел к барину, сел на ворота.

— Ки-ри-ку-ку! Барин-барин, подай мои жо-о-орны!

Барин... А у барина гости. Ой. Ведь это стыда голова, что ж это такой! Пятун за жорнам... У пятауна жорны барин украл!

— Нясите ево, в мешок заверните, — к волкам в лес!

Ну, петушка усадили работники, к волкам понясли в лес его.

Волки пришли — пустили. Волки:

— Ага, курятинка нам!

А он:

— Волки-волки, лезьте в жопу! Волки-волки, лезьте в жопу!

Волки ему налезли в жопу. Он прилятел опять:

— Ки-ри-ки-ку! Барин-барин, подай мои жо-о-орны!

Опять барин:

— Ой, лихонько мое! Куда ж это ево деть! Нясите его, — хороши кони стоять в конюшни, они ево стопчуть.

Ну, работники петушка пустили в конюшню.

— Волки-волки, лезьте с жопы! Волки-волки, лезьте с жопы!

Волки выскочили — всех коней повалили.

Петушок вскочил, опять кричить:

— Ки-ри-ку-ку! Барин-барин, подай мои жо-о-орны!

— Ой, ну куда ж это ево таперь надо деть? Нясите ево в колодец, он там затопитца.

Ево, петушка, в колодец снесли, вкинули.

Он:

— Жопа-жопа, пей воду! Жопа-жопа, пей воду!

Жопа весь колодец воды выпила (*сказка — сказка и есть*).

Ну от. Он опять прилятел:

— Ки-ри-ку-ку! Барин-барин, подай мои жо-о-орны!

Опять — ну куда ево дявать? Ну, он на работников:

— Завярните ево в солому, зажгите, и он сгорить.

Ну, работники в солому ево завернули, зажгли.

— Жопа-жопа, лей воду! Жопа-жопа, лей воды!

Весь огонь залила жопа. Он опять прилятел:

— Ки-ри-ку-ку! Барин-барин, подай мои жо-о-орны!

Ну, барин:

— Что ж это такой? Зарежьте ево, я съем.

Зарезали петушка. А он в пузе запел:
— Ки-ри-ку-ку! Барин-барин, подай мои жо-о-орны!
— Ну, работники, я пойду в туалет, он как голову́ покажетъ, вы ево, это, сразу рубите.

Ну, пошел в туалет. Сдел труссы. Работник как тюкнул — барину жопу отрубил. Барин свалилси в туалете, петушок встал и зайчика... И в бариновой избы и жить.

Вот табе и сказка. Ребятчи детские сказки.

2. Иван-стрелок и Елена Прекрасная

Жил царь, а по-раньшему — шах. У ево был Иван-стрелок. Хорошую дичь горазд он стрелял. Ну вот... И вот, он, значить, шах етот, в лесу срубил изобку — поставил, хорошую изобку. Вот он дичи как настреляить — так царь работников посылаить, и они ему, значить, привозють.

Ну, от он пошел, вот Иван-стрелок, в лес. Настрелял дичи. Сидить утка на дереве. Он только в яе, значить, наметил, а эта утка промолвила человекьим голосом:

— Иван, не стреляй в меня, возьми меня, приняси домой, посодь на окно. Если я задрямлю, ты ударь меня по головы, чтобы я упала.

Ну Иван яе стрелок в мяшок посадил, принес домой, посадил на окно. Ну вот, эта утка задремала, голову́ повесила, он пришел — яе как ударил... по головы. Она об зямлю свалилася. И она получилася прекрасной Еленой. Такая красавица, что ни в сказке сказать, и ни пером описать!

— Ну вот я, — говорит, — буду таперь тебе верная жена.

Ну вот. Приязжают работники за дичей, стукочутца. А Иван опять ушел стрелять. А на яе говорит:

— Ну вот, как приедуть от царя, значить, — за дичью вот, ну, положен там, вот им отдай!

Они стукочутца в дверь. Она к двери приходить, открываить дверь. Они там взглянули на яе — не можуть слова сказать. Она говорить:

— Что вам нужно?

Они не можуть промолвить, слова сказать, — что она очень красавица. Ну, она сразу дверь опять закрыла и на крючок заложила.

Они приязжают к царю и говорят (*ну, как раньше шах ево свали*), к шаху:

— Нет, отец, съезди-ка завтра ты сам! Сам съезди!

Они не сказали ему, какую причину. Ну, царь назавтре, значить, садитца на лошадь вярхом и едитъ. Подъехал к домику, стукочитца в дверь. Она, значить, эта, двери открыла:

— Что вам нужно?

Он как на яе взглянул — не можить и слова сказать и назад себя и пошатнулся. Она стояла-стояла, стояла-стояла, дверь опять закрыла, на крючок заложила. Ну что ж, от ево нет ничаво. Они как на ее посмотрют — она очень красавица! Ну, прекрасная Елена.

Ну, царь приехал. Приехал и говорить (*собрал всех своих прислужников*):

— Как бы нам Ивана со свету свесть? А явоную, эту, жену, я яе замуж возьму. Ну как... От я вам, хто можить ево свесть со свету, — я половину государства вам подпишу, отдам.

Ну, и один, значить, взялся, пошел. Пошел, идеть мимо кабака (*раньше кабаки были винные*). Ну, он сел с им [с пьяницами], стал разговаривать:

— Как бы, — говорить, — вот это, вот так и так-то. Ну, царь хочить Ивана-стрелка жану к сябе завладеть!

— А-а, покупай нам двести грамм!

Он купил, значитя, им.

— Вот пущай царь Ивана-стрелка отправить на тот свет: что евонный батька делаить, отец. Что евонный на том свете отец делаит?

Вот он пришел, этот прислужник, и говорит:

— Вот, государь, вот куда Ивана надо отправить! На тот свет! Что отец-от твой там делаить!

Ну, он Ивана призывает:

— Иван! Мой меч, а твоя голова с плеч! Сходи на тот свет и узнай, что мой отец делаит.

А Иван и говорит:

— Как я на тот свет могу?

— А, тогда твоя голова с плеч!

Ну, он пришел к своей Елены Прекрасной. И стал он горько плакать.

<Елена Прекрасная> говорит:

— Иванушка, почаму ты плачешь?

— Да вот, — говорить, — царь посилаит на тот свет, а как я могу на тот свет, — говорить, — сойтить?

Она говорит:

— Ну ланно, ложися спать, вутро мудряней вечера. Вот, — говорит, — сходи к царю вутром, пущай он дасть своего прислужника, работника с тобой. Один не ходи, и чтобы с работником.

Ну, она раз уже такая была — она была волшебница, заколдована на три года, значить, этой, уткой сделана. Ну вот. Вот он, значить, пришел к царю и говорить:

— Я, государь, я один не пойду на тот свет. Дай мне свово работника. А то ты мне потом не поверишь.

Ну, он ему подал самого хорошего работника, прислужника свово. Ну, они пришли. Она ему дала клубочик:

— Ну, вот куда клубочик покотится, туда, значить, эта, и иди-
ты на тот свет.

Вот он идет. Идет, значить, лес видеть. С лесу едит, значи-
ть, берет дрова, наложено большой воз дров. Запрещено в дро-
вы евоный отец, старик, а чорт сидеть, погоняить. Сидит на возу.
И ево погоняить палкой.

Да и говорить-то, Иван-то стрелок говорить:

— Ты знаешь что, остановися, давай мы с тобой поговорим.

— Ну, что?

— Выпряги нам, это, свово, значить, старика, возьми мово
работника, вот этово, царева!

Ну, он работника запрёт, а Иван стал разговаривать с батькой,
значить, с отцом царевым. И говорить:

— Ну, как?

— Ой, Иванушка, скажи моему сыну, пушай он не жанны-
чать, как я жаннычал, пушай он людей не обижаит, пусть он
с людям хорошо делаит. Вот меня как чорт мучаит! Вот дровы
вою, видишь, — говорит.

А он (*чорт*) этово, прислужника царева, палкой погоняит, синя-
ки наделал на боках! Ну, он поговорил с царем, с этим, с баткой-то
царевым, как он ему наказал, чтобы царь был хороший для людей
бы. Чтоб он хороший, не жаннычал. Ну... Разменялся: он старика,
значить, подал опять чорту, а старик <сменил> евонова прислуж-
ника, царева. Ну, и пошли домой. Приходят оны к царю, вдвоих.

— Ну что, видал мово отца?

— Вида-ал, государь!

— Ну что ж он делат, наверно, в царсви нябе-есном!

— А вот, — говорит, — ему царсво нябесно, государь, какое!
Едит чорт и вязеть, — говорит, — большой воз дров наклавши.
И старик, — говорить, — упираетца!

Ну вот.

— Я не верю тебе! Я знаю, что мой отец должен в царсве ня-
бесном быть!

— А вот, — говорит, — посмотри, я, — говорить, — поменял-
ся вот, — твоево работника..., — говорит, — посмотри вот ево,
спроси таперь у ево!

Работник скидаёт одёжу, а тело все в синяках.

— Ой, — говорить, — государь, — как меня чорт, — гово-
рить, — бил палкой! Я, — говорить, — ташшил воз этот, твоево
отца. Ну, <отец> рад, рад, покудова Иван с им поговорил, — го-
ворить, — бросил <чорт> бить пока.

Ну, таперь что ж он опять... Ну как бы опять соваршить?
Этим не взял — на тот свет. Ну, как опять? Опять он эту, кабац-
кую терябню посылаить. Опять этово прислужника:

— Иди, как-нибудь ты — там кто-нибудь ящо придумаить. —
На ево.

Ну, он опять пошел. Приходить к кабаку опять. Опять сидять же всё явонный пьяницы.

— Ну, что?

Ну, он опять стал говорить.

— Ну, покупай нам двести грамм.

Опять он купил.

— А тяперя... Вот пушшай — стоять столоб, на столбе сидить кот-баюн. И вот, значит, пусь он туда: ево вот, ката этово снимить, в чумадан — и тебе принясеть. К царю. А кот, — говорить, — он не дастся. Он ево, — говорить, — там сразу забьеть.

Ну, приходит етот с кабака. Говорит, значить, царю, что так и так:

— Пошли Ивана, где стоит столоб, и там кот-баюн.

Ну, опять он Ивана призывать:

— Иди вот, значить, приняси мне ката-баюна, добудь!

Иван опять пришел, опять плачит своей жаны, Елены Прекрасной.

— Ну ладно, ложися. Вутро мудряней вечара. Вот, значить, скажи, завтра вот скажи царю: пушшай он три тростки — тебе, значить, это в кузницы скують. Ну, там такую-то, такую-то, а онна чтобы не гнулась бы. И три колпака. Ну вот. И отправляйся. Когда он на последний колпак, кот, значить, это, скочит тебе, ты ево бей вот этой тросткой. И он тебе подчинитца, — она не сломайтца и не согнетца. И ты ево сразу в чумадан закрывай и вези к царю.

Ну, Иван пришел к царю. А ведь у царя ведомо — в кузницу живо! Три тростки сковали, три колпака сковали, ну, Ивану подали. Ну, Иван пошел. Ево Елена Прекрасная, жана, благословила.

Подходить он к столбу. Сидить кот на столбе, глаза большие, когти большие, сам страшный такой! Ну, он, значить, эта, сразу — раз на колпак! Колпак этот проломился, перьвый. Он ево стал тросткой бить — тростка согнулася. Он на второй колпак — раз, кот. Ну, и этот колпак проломился. Он стал второй тросткой бить — и ета согнулася. Он на последний колпак, значить, как скочил! И колпак не проломился. Он свалился с колпака, и он (*Иван*) давай ево этой тросткой бить! Третьей. Эта тростка не согнулася и не сломалася.

Ну, он, кот, помирился. Смирился. Он ево, значить, посадил в чумадан и к царю принес. Ну вот. Царь, значить:

— А-а! Какое тут?!

Открыл. Открыл — он как вцапился в царя! Ага. Царь попросил Ивана закрыть ево опять. Ну, ката закрыли.

А таперя что ж? Как же таперя... Как же таперя Ивана соваршить?

Опять он этого прислужника...

— Последний раз, последний три задачи тебе, Иван. Две задачи сполнил, вот теперь третье тебе задание. Больше тебе заданий не будить.

— Ну, какое же, государь?

— Иди туда, не знаю куда, принеси то, и не знаю что.

Опять Иван пошел к своей Елены Прекрасной. Опять ей рассказал.

Она:

— Ну, ладно. Вот назавтре на тебе клубочик, куда клубочик покотитце — туда и иди.

Клубочек котитце, катилси-катилси... Да, дала она ему свою ширинку. Ну, ширинка эта — как по-старинному платенце свое.

— Вот, значить, ты когда поначуишь где — не обтирайся чужой, значит, ширинкой, а обтирайся своей! (*Это платенце ей-ное.*)

Ну вот. Ну, он, значить, полóжил ево, там, в шалгун, идеть. Клубочик котитце, он идеть. Стоить избушка. В избушке — смотреть в окошко — баба. Он:

— Здрасти, бабуся!

— Здравствуй, молодой человек! Куда путь держишь?

— Да вот иду, — говорит, — да и запоздал!

— Ну, заходи. Я баиньку стоплю, помоисся. Путь далекая!

Ну, он зашел в эту избушку. В баиньки помылся, пришел, вытянул он это платенце, стал обтиратца. Она и говорить:

— Откуда ты это платенце взял?

А он говорить:

— Это платенце (*ширинка эта по-ихнему*), значить, это моя жана мне дала.

— Ах, это жана твоя! Это моя плямянница.

Ну, все хорошо. Ну, поначавал — он ево угостила. Ну, пошел дальши. Опять клубочик котитца — стоит вторая избушка. И тут опять старуха высматриваить.

— Куда, молодой человек, держишь путь?

— Да вот туда, не знаю куда. И найти то, не знаю что.

— Ну, заходи, поначуй! Баньку стоплю.

Ну, и ета также ево в баньке вымыла, он пришел и достает платенце это, стал выьтратца.

— А откуда ты это платенце взял? Откуда эту ширинку взял?

— Да вот моя жана, — говорить, — дала мне в дорогу.

— Ох, ведь это моя дочь! Ты, значить, эта... Вот, ты яе... Она на три года была заколдована, зачарована на утку. Ты яе спас!

Ну вот...

— Куда ж ты вот?

— Да вот послал меня царь. Хочет он яе за себя, значить, взять, от меня отбить.

Ну вот. Она, эта, бабушка, и говорить:

— Ох, надо иттить туда, не знаю куда, через море. Через море переязжать. Я тебе дам бутылку, в бутылки — лягушка. Ты пойдешь к морю, с этой бутылки выброси эту лягушку в море. Она тебя перевяжет.

Он говорит:

— Бабушка, ведь это лягушка, а я ж человек!

— Ладно! Что тебе говорить, ты сполняй!

Ну вот, он, значить, пошел, с бабушкой распростился, она его угостила как зятя. Подходить к морю, значить. Море большо-о-ое. Он эту с бутылки лягушку в́ывротил. Лягушка и говорить, значить:

— Садися на меня!

Он говорить:

— Ой! Бабушка-ляга, я ж тебя раздавлю!

— Я тебе говорю: садися!

Ну, он ногú переставил, она почала ду-у-утца, ду-у-утца, ду-у-утца. Такая вздуласи, что у ево с лягушки ноги стали зямли не доставать. Вот она вкинула соломинку (*бабушка дала*). И по этой соломинке она море перяплы́ла. Море перяплыла...

— Значить, вот тяперь иди! Вот там будет стоять избушка. Иди в эту в избушку. И ты там все узнаишь.

Ну, вот он, значить, подходить — правда, стоять избушка. Подходить в избушечку... Нет нико́во! Стол стоял. Стол накрытый стоять — на столе ничово нету. Он спрятался. За печку в уго́л стал и стоять. Дожидаить: хто придет в эту избушку. Вылезайть откуль-то мужичок. Маленькай, а борода по колено. Ну, садитца за этот стол.

— Сват-Наум, я ись хочу!

Откуль на столе — все появилось! И закуска всякая, и вино, все появилось. Это мужичок поел, и, значить:

— Ну, убирай таперь! Я наелся!

Все на столе погасло, нет ничаво.

Вот он глядел-глядел, стоя за печкой.

— А ну-ка и я пойду попробую! (*За стол сесть, позвать Свата-Наума*.)

Ну, пришел, сел за стол.

— Сват-Наум, я ись хочу!

Откуда все на столе появилось. Он и говорить:

— Сват-Наум, я один кушать не буду. Садися со мной, я хочу вдвоих с тобой.

Он и говорить:

— Добрый ты человек! Сколько у меня обедало за этим столом, ни́хто меня не пригласил. А вот ты, значить, добрый человек, меня приглашайшь. Я с тобой!

А он ево не видит.

Ну, значить:

— Сват-Наум, ты кушаешь?
— Ем-ем! Кушаю, кушай ты!
А сам не видишь ево. Ну ладно, надо иттить, отправлятца.
— Сват-Наум, мне надо отправлятца! Пойдем со мной!
— Добрый человек, никто меня не пригласил, пойду с тобой!
Только никуда меня, значить... Ты повсюду — меня будут покупать, где ты ни остановисси. Ты продавай, а я буду с тобой!
— Сват-Наум, ты никуда от меня не уйдешь?
— Никуда не уйду. Будут покупать меня — ты продавай, а я буду все с тобой.
Ну, и они поехали. Уже лягушки нету, а пароход. На пароход, значить, эти... Тоже так — и стол там, и все на свети есть. Ну, он, значить, говорить:
— погоди, я вас угощу своим! Ну, Сват-Наум, собери нам стол!
Сват-Наум собрал.
Ети все, которы на пароход, это были, все угостилися, говорить:
— Продай нам ево! Давай помянем! У нас тоже всяка-всячина есть. У нас есть, значить, эта, когда война будить, от труба такая — ты только затруби! У нас есть топор — все тебе срубить, что надо. Продай нам вот этово Свата-Наума!
А Сват-то Наум велел же продать («а я, — *говорит*, — *буду с тобой всё!*»). Ну, ладно. Ну, там уплатили ены, поменялися. Они ему трубу дали — трубить когда вот, что все войско созветца. Топор дали, значить, когда вот топор сам, сам рубить и ставить все на свети. И потом дали ены ему стрелу. Ну, он поехал. Приехал вот он... Едить он это, до дому приехал. Сказали тут царю, что Иван вернулся до дому. Царь на ево войском, значить, разрушим... Нет. Царь пошел (*я-то вот сбился*), сжег евоную изобку. А уже Елена Прекрасная, она, значить, опять обратилася вуткой, она ушла. А когда Иван приехал к своей — видеть, изобки нету. Елена Прекрасная, значить, появилася. Тут же — топор:
— Топор, руби!
Топор срубил, значить, опять хороший дворец ему. Ну вот, царю это все донесли работника, что:
— Вот у Ивана такой, значить, дворец срублен, хоть ты сжег евоную изобку. А что лучше даже твово.
Ну, царь пошел на ево войском. Вот он как затрубил в трубу в эту, котору давали-то ему! Откуль собралось войск у Ивана! И царя погубили, войско евоное разгромили, Иван стал с Еленой Прекрасной в царстве жить и царем стал.
Ну вот. Сказка вся.

КОММЕНТАРИИ

1. Про зайчикову изобку. М. А. Андреева сочетает в своем повествовании два сюжета: 43 Лубяная и ледяная хата: лиса строит себе ледяную избу (хату), волк (медведь, заяц) — лубяную; лиса пытается завладеть лубяной избушкой но изгнана (в публикуемом тексте избу строит заяц, а лису прогоняет петух); 715 А Петух (мальчик с пальчик) и жерновцы: барин (поп, царь) отнимает или крадет жерновцы-самомолку у старика и старухи; петух требует возвратить жерновцы. В опубликованных сказках северных, северо-западных и центральных регионов России такая контаминация встречается лишь один раз — на Тамбовщине (Смирнов, 1917:668—669), что (очень предположительно) можно объяснить относительной территориальной близостью Тамбовской области и Тверской, с которой граничит Холмский район. Более типична контаминация сюжетов 43 и 15 Лиса-повитуха (Перм., Арх., Волог., Саратов, Афанасьев, 1985:21—26; Перм., Зеленин, 1914:420—422; Арх., Никифоров, 1961:197—200; Мурман., Балашов, 1970:330—331, 352—354, 432; Сказки Поморья, 1974:109—110, и др.). Необходимо уточнить, однако, что М. А. Андреева соединяет сюжеты 43 и 715 отнюдь не механически, скорее — творчески, посредством мотивов, заимствованных из «ребячьей» же сказки об унесенном лисой петухе (61В Кот, петух и лиса): лиса выманивает петуха из избы, посулив ему горошку. Заменяв лису барином, который рассыпает перед петухом, «лласым до гороху», лакомые зернышки, сказочница начинает этим эпизодом вторую часть повествования — об украденных у петуха-лакомки жерновцах.

В первой части сказки (сюжет 43) подробно разработан эпизод изгнания лисицы, отсутствующий обычно в сказках с контаминацией сюжетов 43 и 15, где обманутый волк (медведь) в конце концов примиряется с незваной гостьей. В варианте М. А. Андреевой петух и лиса обмениваются обремененными в ритмизованные формулы угрозами. По мнению А. Н. Афанасьева, подобный диалог составляет основу побасенки, бытовавшей в Архангельской губернии: «Идет петух на пятах, Несет саблю на плечах, Хочет лису посечи По самые плечи. „Вон, вон, лиса! Вон, кума!“ — „Вот я тебя, петушища, по коленам-то поленом!“» (Афанасьев, 1985:438). Ср. соответствующие тексты в сказках: «Я в красных сапогах, Я в красном сарафане, Я кошу, кошу, кошу, твою голову скошу!»; «Ку-ка-ре-ку. Полезай, лиса, с печи, я не от местной породы, на ногах шпоры, на голове ношу корону, шпорами сколю, клювом заклюю!» (Арх., Никифоров, 1961:159, 200); «Кукуреку! Несу косу на плечи, хочу лису посечи!» (Влад., Афанасьев, 1985:27); «Кукуреку! Выну косичку, нарежу лисичку!» (Тамб., Смирнов, 1917:668).

Вариант М. А. Андреевой («А я — пятун-тропотун, на высоких ногах, да и шпоры сбоку! И несу косу за плечам, я тебя и шпорам заколю, и косой ноги подкошу!») — один из наиболее развернутых, так же как и ответная, скандируемая сказочницей угроза лисы («Я лисица-шомуница, у меня хвост как шест, как ударю — полетишь!»), ни в одном тексте в сходной форме не зафиксированная.

Вторая часть сказки (сюжет 715) изложена в одной из наиболее распространенных версий, но продуманно и связно. В большинстве записей мотивы этого популярного сюжета варьируются. Ср.: петух вылетает из конюшни, коровника, свинарника, куда его бросили (Волог., Соколовы, 1915:134—135; Тамб., Смирнов, 1917:668—669), разбивая окна проглоченными камешками (Сказки Поморья, 1974:127); бьет лошадей и коров, которые должны его затоптать (Ряз., Худяков, 1964:102). Для другой группы текстов, как и для варианта М. А. Андреевой, характерны мотивы поедания скотины либо домашней птицы волками и медведями (Арх., РО ИРЛИ. р. V, кол. 5, п. 3, № 38, л. 4—6; Никифоров, 1961:354; Яросл., Смирнов, 1917:460—461); лисой, медведем, волком (Самарск., Садовников, 2003:172—173), залезшими петуху в брюхо.

Чудесное спасение петуха из колодца и печи — неизменный эпизод сказки о петухе и жерновцах, хотя приговорки, сопровождающие его, различны, от нейтральной («Носик, пей воду! Ротик, пей воду!» — Ворон., Афанасьев, 1986:31; «Пей, петух, воду!»; «Петушок, лей воду!» — Вятск., Зеленин, 1915:232; Волог., Иваницкий, 1890:182; «Душка, пей воду!» — Ряз., Худяков, 1964:102) до смягченной и вполне откровенной («Пей, гузно, воду, да выпей всю!» — Мурман., Балашов, 1970:313; «Пей, мой зад, воду!» — Нижегород., Смирнов, 1917:448 — 448; «Жопа, пей, жопа, выпей все!» — Арх., Озаровская, 1931:387; Никифоров, 1961:354). Последний вариант, совершенно, на наш взгляд, естественный для крестьянской (пусть и «ребячьей») сказки, звучит и у М. А. Андреевой. Характерно, что и жерновцы в ее интерпретации — не чудо-жернова, «жернова-самомолки» (ср.: Афанасьев, 1986:30; Иваницкий, 1890:82; Балашов, 1970:313; Смирнов, 1917:460; Худяков, 1964:102; Сказки Поморья, 1974:126, и др.), а предмет, насущно необходимый для хозяйства.

2. Иван-стрелок и Елена Прекрасная. Распространенная сказка, в основе которой — сюжет 465А Красавица-жена («Пойди туда, не знаю куда»), изложена М. А. Андреевой с сохранением основных эпизодов, характерных для одной из ее версий. Завязка повествования — обречение охотником (стрельцом, стрелком) чудесной жены-волшебницы: Иван-стрелок шадит во время охоты утку, которая «человеческим голосом» просит ударить ее особым образом, после чего обращается в красавицу, которая была на три года «зачарована в утку». Ср.: солдат Андрей стреляет в горлицу — она падает; дома он ударяет горлицу по левому боку — она превращается в красивую девушку (Олон., Карнаухова, 2006:131). В иных вариантах чудесное превращение птицы (горлицы, голубицы, соколицы, лебедя) — следствие неудачного либо удачного выстрела (Соколовы, 1915:102—105; Колосов, 1877:197—201; Коргуев, 1939:7—32; Сказки Поморья, 1974:270—278; Молдавский — Бахтин, 1965:172—180). «Умел ты подстрелить, так я жена твоя буду: не винца меня винчал, а пуля», — говорит солдату подстреленная им голубица (Волог., Колосов, 1877:339). Подобное начало отличает эту группу текстов от других версий, где охотник (солдат, купеческий сын) похищает одежду одной из трех (семи, двенадцати) купающихся девушек-лебедей (селезней), вынуждая ее к замужеству (Арх., Никифоров, 1961:266—269;

Вятск., Зеленин, 1915:3—10, 129—133; Тобол., Смирнов, 1917:797—801). В «сниженных» вариантах девицей-красавицей оборачивается выуженная из воды ворона (Олон., РО ИРЛИ, кол. 2, п. 3, № 39, л. 103—104; Карнаухова, 2006:43—47).

В общих чертах дальнейшая канва сюжета остается одной и той же: пытаюсь завладеть красавицей, царь (либо купец, который нанимал охотника) ставит перед ее мужем неразрешимые, казалось бы, задачи; успешно справившись с ними при содействии жены, герой занимает место царя либо примиряется с ним, обретая высокое положение и достаток.

«Сказка особенно популярна в странах Восточной Европы, хотя ареал ее значительно шире, а отдельные мотивы — очень древнего происхождения, — отмечает Е. А. Костюхин, комментируя сборник Д. Н. Садовникова. — Так, мотив преследования жены, принадлежащей слуге, известен уже по библейской истории о Вирсавии, а мотив девы-лебеди встречается во многих сюжетах повествовательной традиции как Запада, так и Востока» (Садовников, 2003:397).

Несмотря на видимое единообразие повествовательной структуры, задачи, разрешаемые героем, их очередность, способы выполнения достаточно разнообразны. Первое задание, которое получает герой в сказке М. А. Андреевой (сходить «на тот свет» и разузнать об участии покойного царя-отца), является чаще не первой, а более сложной по сравнению с предшествующими и не столь распространенной для данного сюжета задачей. Ср.: обустроив чудесный мост и сады (укротив «льва — всем зверям зверя»), герой отправляется к умершему царю, дабы разузнать, где он припрятал накопленные деньги (принести его «рукописание») (Афанасьев, 1986:130—134; Перм., Зеленин, 1914:276—278). В интерпретации М. А. Андреевой укрощение свирепого кота-баюна — второе из выполняемых Иваном-стрелком заданий, обрисованное, впрочем, подробно и картинно — как и участь несправедливого царя «на том свете». Сказочница сосредотачивается на описании мучений царя-грешника, волокущего из обычного как будто бы леса, где располагается «тот свет», воз дров и безжалостно, до синяков, погоняемого палкой. Покаянным словам корыстного и помыкавшего подданными царя она уделяет особое место (в сходном в общих чертах тексте, опубликованном А. Н. Афанасьевым, герой идет «на тот свет» через раступившееся море, дрова предназначены для адского пекла, а наказ «управлять по правде» звучит кратко — Афанасьев, 1986:132).

Последнюю и самую сложную задачу в сказке М. А. Андреевой («иди не знаю куда, принеси то и не знаю что») Иван-стрелок выполняет, заручившись помощью тетки и матери своей жены-волшебницы. Обретение родственных связей с чудесной семьей жены, вплотную приближающее героя к цели его путешествия, — один из наиболее устойчивых эпизодов сюжета 465А.

У М. А. Андреевой теща наделяет Ивана-стрелка необыкновенной лягушкой-помощницей: вырастая до громадных размеров, «бабушка-ляга» перевозит его через море, где и находится «не знаю что». Сходная последовательность событий (с участием тещи либо своячениц героя) характерна для сказок ряда регионов России, хотя роль лягушки

в них не вполне одинакова. Ср.: лягушка-водительница скачет впереди героя; поймав ее, он приходит в кузницу, где хранятся волшебные предметы (Олон., Ончуков, 2008:380—383). Дорогу к «не знаю что» может показать только большая лягушка, которую выкликает свояченица солдата (Волог., Колосов, 1877:341—342). Путеводительницей становится старая хромая лягушка (лягушка-квакушка): герой несет ее на руках; нырнув вместе с ним в болото, лягушка оказывается в замке, где обитает «не знаю что» (лежа в молоке, она указывает носом дорогу; выпив молока, становится большой и перевозит солдата Андрея через море, где он обретает чудесного помощника) (Симб., Садовников, 2003:70—74; Олон., Карнаухова, 2006:130—135). Сделавшись выше леса, лягушка («скокушка-баушка») переносит стрелка Андрея через огненную реку (Коргуев, 1939:23—24; Сказки Поморья, 1974:276). По совету свояченицы, солдат идет к морю, из которого выплывает «престрашная прегрозная лягуха»; из ее нутра («Ступай к ней в рот — будёшь сцяслив») солдат попадает в царство тества — морского царя и получает «не знаю что» (Олон., Колосов, 1877:199—201).

К повествованию М. А. Андреевой, помимо олонечкой версии, упомянутой выше (Карнаухова, 2006:130—135), близок отчасти текст, записанный в Белебелковском (ныне — Поддорском) районе Новгородской области (Заозерье, 1947). Теща Кузьмы-стрельца вручает ему банку с лягушкой; вытряхнутая у моря, она «делается как лодка» и перевозит Кузьму через море — к «не знаю что» (Молдавский — Бахтин, 1965:166—176).

Волшебные предметы, добываемые героем, различны, хотя их перечень варьируется в установленных традицией рамках. Сват-Разум, рожок, созывающий солдат, чудесный топорик и шкатулочка фигурируют в олонечкой сказке; в новгородской — матрасик-кормилец, чудесный топор и скликающий войско рог. В сказке М. А. Андреевой Иван-стрелок получает волшебного кормильца (Сват-Наума), топор, который «сам рубит и ставит все на свете», и дудку, призывающую войска.

Текст, сообщенный М. А. Андреевой, как очевидно, включает ряд устойчиво бытующих эпизодов, мотивов, образов, однако не идентичен ни одной из упомянутых в комментарии записей, что не позволяет отнести его к той либо иной локальной традиции.

Отметим также: многоэпизодная волшебная сказка, сохранившаяся в памяти крестьянки до 1987 г., — явление почти уникальное. Некоторая путаница и оговорки появляются у М. А. Андреевой только в самом конце, а первоначально подчеркнутое именование царя «шахом» (о чем рассказчица забывает к середине повествования), скорее, забавно и отнюдь не портит живое, выразительное изложение.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Арх. — Архангельская губерния
Влад. — Владимирская губерния
Волог. — Вологодская губерния
Ворон. — Воронежская губерния

Вятск. — Вятская губерния
Мурм. — Мурманская область
Нижегор. — Нижегородская губерния
Олон. — Олонецкая губерния
Перм. — Пермская губерния
Ряз. — Рязанская губерния
Самарск. — Самарская губерния
Сарат. — Саратовская губерния
Симб. — Симбирская губерния
Тамб. — Тамбовская губерния
Тобол. — Тобольская губерния
Яросл. — Ярославская губерния

ИОЛЕАиЭ — Императорское Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете
ИРГО — Императорское Русское географическое общество
ОРЯС — Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук
РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Афанасьев, 1985, 1986 — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. / Предисл., коммент. Л. Г. Барага, Н. В. Новикова. М., 1985—1986. Т. 1—2.
- Балашов, 1970 — *Балашов Д. М.* Сказки Терского берега Белого моря. Л., 1970.
- Зеленин, 1914 — *Зеленин Д. К.* Великорусские сказки Пермской губернии. Пг., 1914 (Зап. ИРГО по Отд-нию этнографии; Т. 41).
- Зеленин, 1915 — *Зеленин Д. К.* Великорусские сказки Вятской губернии. Пг., 1915 (Зап. ИРГО по Отд-нию этнографии; Т. 42).
- Иваницкий, 1890 — *Иваницкий Н. А.* Материалы по этнографии Вологодской губернии // Известия ИОЛЕАиЭ. М., 1890. Т. 49. Труды Этногр. отдела. Т. 11. Вып. 1.
- Карнаухова, 2006 — Сказки и предания Северного края / Зап., вступ. статья, коммент. И. В. Карнауховой. 2-е изд. СПб., 2006.
- Колосов, 1877 — Колосов М. А. Заметки о языке и народной поэзии в области северо-великорусского наречия // Сб. ОРЯС. СПб., 1877. Т. 17, № 3.
- Коргуев, 1939 — Сказки М. М. Коргуева // Сказки Карельского Беломорья : В 2 т. / Зап., вступ. статья, коммент. А. Н. Нечаева. Петрозаводск, 1939. Т. 1.
- Молдавский — Бахтин, 1965 — Господин леший, господин барин и мы с мужиком : Записки о сказочниках Д. М. Молдавского и сказки, записанные Вл. Бахтиным и Д. М. Молдавским. М.; Л., 1965.
- Никифоров, 1961 — Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова / Изд. подгот. В. Я. Пропп. М.; Л., 1961.

- Озаровская, 1931 — *Озаровская О. Э.* Пятиречие. Л., 1931.
- Ончуков, 2008 — Северные сказки в собрании Н. Е. Ончукова / Подгот. текстов, вступ. статья, коммент. В. И. Ереминой. СПб., 2008.
- Садовников, 2003 — Сказки и предания Самарского края. 2-е изд. / Собраны и записаны Д. Н. Садовниковым; Изд. подгот. Е. А. Костюхин, Л. Г. Беликова. СПб., 2003.
- Серова, 1924 — *Серова М. М.* Новгородские сказки. М.; Л., 1924.
- Сими́на, 1975 — Пинежские сказки / Собраны и записаны Г. Я. Симиной. Архангельск, 1975.
- Сказки Поморья, 1974 — Русские народные сказки Карельского Поморья / Сост. А. П. Разумова, Т. И. Сенькина. Петрозаводск, 1974.
- Смирнов, 1917 — *Смирнов А. М.* Сборник великорусских сказок из архива Русского географического общества. Пг., 1917. Вып. 1, 2 (Зап. ИРГО по Отд-нию этнографии; Т. 44).
- Соколовы, 1915 — Сказки и песни Белозерского края / Записали Б. и Ю. Соколовы. М., 1915.
- Худяков, 1964 — Великорусские сказки в записях И. А. Худякова / Изд. подгот. В. Г. Базанов, О. Б. Алексеева. М.; Л., 1964.